

¹ Дата публикации в «Борьбе».

² Здесь и далее отточие в тексте.

³ Точнее: «... сознательных рабочих трех самых передовых наций человечества и 16 самых крупных участвующих в настоящей войне, Англии, Франции и Германии...»

⁴ Точнее: «Положение об управлении Туркестанского края».

⁵ Аманулла-хан (1892–1960) — эмир Афганистана (20 февраля 1919 г. — 14 января 1929 г.). В период его правления была провозглашена полная независимость Афганистана и установлены в 1919 г. дипломатические отношения с Советской Россией.

⁶ Хабибулла-хан (1872–1919) — афганский эмир с 1901 г. Погиб на охоте.

⁷ Джемаль-эд-Дин аль Афгани Мухаммед Сеид (1838 или 1839–1897) — мусульманский религиозно-политический деятель, который выдвинул идею «религиозно-политического союза мусульманских народов», отдавал приоритет свободному толкованию Корана, что допускало включение достижений европейской науки и общественной мысли в мусульманскую систему ценностей. Его идеи оказали влияние и на российских мусульман, особенно, когда он жил в Петербурге в 1887–1889 гг.

№ 29

Доклад делегатов андижанских дехкан на 3-й краевой конференции мусульманских организаций РКП в Туркестане¹

6 февраля 1920 г.²

С начала революции и переворота народная власть в Туркестане и, в частности, в Фергане вылилась в виде Комитетов общественной безопасности. При конструировании комитетов этого первого опыта народовластия пришлось столкнуться с весьма существенным для населения вопросом, как смотреть на туземное население, которое составляет почти 98% всех горожан города и уезда? Считать ли их равноправными и имеющими права полного представительства, или смотреть на него как на малокультурную, бессознательную часть населения, для которого совершенная роскошь иметь в достаточном количестве своих представителей, тем более, что товарищи-европейцы вполне и даже с большим успехом могут не только защищать интересы туземного населения, но и лучше будто бы знают их? В результате с первых же шагов организации новой народной власти в лице Комитета безопасности туземцы были отеснены от самоуправления, и большой борьбы и трудов стоило им добыть признания за ними права на представительство хотя бы в 50% всего состава Комитета безопасности.

Это недоверие к мусульманам, пренебрежение к их интересам в целом, взгляд на них, как на людей, не способных принимать участие в строительстве новой народной власти в том или другом виде, проходит всю историю революционного периода от начала революции до настоящего времени. В результате почти полная заброшенность организации мусульман-туземцев и отсутствие у представителей власти заботы равномерно о тех или иных шагах своей работы не только осведомлять большинство населения — мусульман, но и предпринимать эти шаги только и исключительно с одновременного одобрения не только европейцев, но и мусульман. Получилась жизнь как бы двух почти неприкасающихся друг с другом центров: новый город как центр новой народной власти и старый с его уездом, предоставленный самому себе, организующиеся по более свойственному большинству из населения его — бедняков, враждебным инстинктом пролетариата. Связь эта выражалась лишь формально, почти не отличаясь от дореволюционной эпохи. Когда было нужно достать денег, путем ли обложения, реквизиции, конфискации и т.п., то вспоминались старый город и уезд, и предписания и отношения в срочном порядке сыпались дождем.

Вот почему с самого начала возникновения совдепа, как в русском городе, так и в старом, сменивших собою комитеты безопасности, представители их ни в коем случае не являлись и не могли явиться уполномоченными от народа и его широких масс. В большинстве они являлись людьми случайными, попавшими по протекции, по знакомству, людьми, преследующими, по соглашению друг с другом, свои мелкие задачи наживы, далекие от интересов народных масс мусульманства, людьми безответственными, положившими начало принципу: «власть на местах», толкуемому ими так: «все законно — раз я этого хочу».

Состав первого совдепа в Фергане не только поражает своей случайностью и пестротой представителей, но и преобладанием армян. После кокандского погрома, в котором, и это ни для кого в Туркестане не секрет, активно выступали армяне, грабя и уничтожая мирных жителей, почти все видные места в совдепе были предоставлены армянам. Значение их возросло. Возникла и укрепи-

лась партия дашнаков. Как вел себя совдеп по отношению к населению, достаточно характеризовано рядом грязных судебных процессов о комиссарах, обнаруживших, как общее правило, вымогательства, самоуправства, растраты и присвоения и проч. незаконные проступки. Несмотря на провозглашенный принцип социализма свободы, жизнь и имущество частных граждан были в опасности и вместо твердой законной власти получилось сплошное самовольство и произвол.

Под руководством членов совдепа нового города был организован совдеп в старом городе и выборы его тоже не были народными. Работа совдепов нового и старого города шла в контакте до тех пор, пока деятельность протезе ново-городского совдепа — райсовдепа не стала настолько яркой среди подавленного, безропотного населения мусульман, что весь совдеп старого города почти в полном составе оказался под судом и в местном арестном доме.

Понятно само собой, что, не встречая широкой поддержки своим незаконным мероприятиям среди населения, совдепы должны были создать эту поддержку другим путем, и этим объясняется организация дашнаков и раздача щедрой рукой армянам оружия и формирование из них большинства Красной армии. Результатом этого явилась власть новых преторианцев — вооруженных армян. Ни для кого не тайна, сколько безответственных грабежей и убийств совершено ими среди мусульманского населения, как в городе, так и в уезде. Всякий поход в уезд под видом преследования разбойников вооруженных отрядов армян и под их влиянием чинов Красной армии был путем убийств женщин, детей и беззащитного мирного населения. Путь этот был усеян не только трупами, но и сопровождался почти всегда пожарами, злорадно, без цели, из озорства зажженных кишлаков и местечек. Все сходило с рук этим новым «завоевателям края» и жаловаться было бесполезно, так как совдепы на все смотрели сквозь пальцы. Сотни прошений на произвол этих карателей мирного населения, поданные населением, в разные центральные управления края и сейчас остаются без результатов.

Последствия этой опричнины, покровительствуемой начальством, сказались на экономической жизни мусульман. Отобраны лошади у земледельцев под видом реквизиции для нужд армии, однако эти же реквизиторы часто, не стесняясь, открыто торговали лошадьми на рынках. Разрушены и сметены с лица земли несколько десятков кишлаков. Население лишено крова и запасов. Посевы сокращены. Просвещение заброшено и, чтобы всему этому придать законный вид, каждый сарт взят заранее на подозрение и, чтобы замазать следы, с одной стороны, с другой — оправдать свою работу, каждого мирного туземца отождествили с разбойниками и, как таковых, голословно, без доказательств, поставили вне закона. Понятно, что с разбойниками нечего церемониться, но были в действительности изрублены, ограблены десятками тысяч мирные жители — доказательств не искали и они не требовались. В результате обнищание и распад экономической жизни дошли до последних пределов. Основой благосостояния края, как известно, является хлопок, его урожай, благоприятные условия реализации являются основой всей не только торгово-промышленной, экономической жизни, но жизни нас, туземцев, вообще. Почти 80% населения мусульман-туземцев — мирные труженики хлопководы, дехкане, в поте лица работавшие над хлопком. Москва и промышленные центры почти 50 лет приучали туземцев, постепенно сократив посевы пшеницы и других хлебных злаков, культивировать только хлопок, а на урожай его покупать на базаре привозную пшеницу и другие товары. С момента национализации заводов этой основе народного благосостояния был нанесен почти непоправимый удар. Дело в том, что во главе управления хлопководством стали районные хлопковые комитеты, в большинстве состоящие из лиц или не владеющих способностями к широкому управлению, или явно недобросовестных, преследующих свои личные наживы. Все лица с опытом, не только бывшие хозяева, но их поверенные, управляющие, десятками лет изучавшие хлопководство, были сразу же взяты на подозрение и выброшены за борт, а [на] их места заступили мелкие служащие, пунктовые приказчики и даже лица, впервые столкнувшиеся с хлопководством. Общая мерка для определения способности того или иного работника по хлопку была одна: «буржуй он или нет», причем это понятие трактовалось по-своему, по-туркестански, не только вразрез с определенными приказами российского центра, но в большинстве предвзято, без каких-либо доказательств, нередко лишь для достижения своих корыстных целей.

Другим орудием убийства хлопководства было также огульное понятие «спекулянт». Всякий хлопковод, купивший на базаре хлопок, хотя бы в минимальном количестве 20–30 пудов, считался спекулянтом и буржуем и за этот хлопок, сданный им на национализированный завод, он мог не получить ни копейки. Получалась огромная вакханалия, которая требует своей строгой ревизии. Все зависело от лица, заведывающего приемкой хлопка. Захочет — заплатит, не захочет, окрестит хлопок «буржуйным, спекулятивным» и у мелкого промышленника-посредника не будет ни хлопка, ни денег. Произвол в этом отношении принял особенно чудовищные размеры

уже по одному тому, что в числе заведывающих, как уже упомянуто выше, стали бывшие мелкие служащие, привыкшие и ранее каждый свой шаг облагать поборами и вымогательствами с хлопководов. До сего времени, несмотря на то что прошло уже 2 года с момента национализации хлопкового дела, более половины лиц, сдавших хлопок, не получили в расчет ни одной копейки. Дело ухудшается тем еще, что если среди лиц, сдавших хлопок по твердой цене, и встречаются только единицы крупных скупщиков, то, не выдавая им деньги, райкомы наказывали и наказывают на деле не их, а мелкоту — дехкан-земледельцев, так как по установившемуся обычаю мелкий дехканин, нуждаясь в деньгах, свозил хлопок к посреднику, получал с него лишь часть стоимости, а остальную ждал до того времени, пока получит сам посредник, сдав всю партию товара заводу. Таким образом райкомы, не платя посредникам, на самом деле наносят непоправимый вред дехканам, так как последние в свою очередь не могут получить с посредника долг за сданный ему и неоплаченный хлопок. Повторяем еще раз, что лишь полная срочная оплата всего принятого и сданного хлопка, с одной стороны, и тщательная проверка опросом населения с представителями от мусульман деятельности лиц, принимавших хлопок, как-то: Гроссмана³ и других, несколько ослабят удар, нанесенный благосостоянию. Увидев, что посев хлопка, кроме затраты труда, ничего не дает, площадь посева сокращена туземцами до последних пределов. Этому способствовала и беспомощность населения, и непрерывное обирание его комиссарами и разного рода уполномоченными. Под видом реквизиции и конфискации и в старом городе и в уезде без всякого вознаграждения отобраны не только скот крупный и мелкий, не только товары, но даже одеяла, подушки, халаты, припасы и проч. и проч. Что стоит населению одно только открытие в Фергане «рабочего кооператива», который, на миллионы отобрав в старом городе товары, не оставляя без внимания аршинной лавчонки, не заплатив в большинстве случаев ни копейки, не записав нигде отобранное, ухитрился в конечном результате (см. акты ликвидационной комиссии) при даровом товаре причинить советской власти стотысячные убытки. Удивительно, что, несмотря на факты чудовищных растрат, виновные еще не на скамье подсудимых. Другим могучим орудием разложения благосостояния туземцев старого города и уезда были обложения. Во главе заведывания обложением стоял тов. Салаев⁴ с неограниченной властью. Его пособником был бывший кадет, спасшийся бегством за свои проделки от расправы товарищей-большевиков из Ростова Великого (Московского), адвокат Знаменский⁵. Несмотря на многотомное доказанное следствие, произведенное Чрезвычайной следственной комиссией ТурЦИКа о Розине⁶, последний, как и остальные герои Панамы обложения⁷, не только на свободе, но и играют вместе со Знаменским какую-то видную роль в Ташкенте. С сартов открыто брали по несколько раз, торговали размерами обложений, определяя их не по достатку облагаемого, а по тому, сколько он даст за труд уменьшить норму взыскания. Все это производилось открыто. Бывали случаи, когда взносимые по обложению суммы не поступали и даже не записывались, а просто иногда выдавали частные записочки на клочках, а иногда только принимали деньги. Если прибавить к этому своеобразные приемы (говоря скромно, требуется ревизия) по расходованию народных денег на обсеменение полей, деятельность по борьбе с голодом, в конце сводящаяся по отношению к туземцам к заботам о погребении уже умерших, отсутствие в уезде и в старом городе отделений бирж труда и социального обеспечения, то понятно будет то полуголодное, заброшенное положение мусульманского населения, запуганного произволом и обобранного, в котором оно очутилось в данное время.

Несмотря на ряд упорных ходатайств со стороны представителей мусульманства открыть биржу труда и социальное обеспечение, они не открыты до настоящего времени ни в старом городе, ни в уезде. Если проверить хотя бы бегло проценты получающих социальное обеспечение европейцев с мусульманами, то невольно поражаешься ничтожностью помощи мусульманам, и это несмотря на то, что как источник доходов мусульмане все время являются исключительным. Все это привело к тому, что население давно и хронически бедствует, не находя удовлетворение самым насущным потребностям. Так же обстоит дело и в смысле распределения продуктов, которых почти лишены туземцы.

Мирный по своему характеру туземец-сарт всегда безропотно склонен был исполнять все требования власти еще николаевского режима, как бы тяжелы они для него ни были. Предполагать, что причина появления разбойничьих шаек кроется в националистическом стремлении сартов к власти, в непризнании советской власти всем населением, возможно, лишь клеветца на сартов, и совершенно их не зная. При первых зародышах разбойничьих шаек население немедленно обращалось к властям, прося защиты, посылались депутации, писались доклады...⁸ но власть бездействовала — населению не верили. Были отдельные разрозненные выступления отрядов в 30–50 человек, которые занимались лишь грабежом мирного населения, не преследуя шаек. Да-

вали им возможность расти. Население оказалось между двух огней. С одной стороны, угрожали басмачи-разбойники, с другой — вместо помощи, если за таковой обращались к советским отрядам, набранным из самых отбросов, та же участь ждала население от этих отрядов. Население, оставшись без имущества, крова, не встречая помощи от отрядов, шло куда глаза глядят от сгоревших кишлаков и автоматически за насущный хлеб пополняло ряды разбойников. Банды росли. Власти действовали разрозненно. Не было ни плана, ни единой борьбы, и в результате открывались и создавались фронты.

С открытием фронтов возникла мысль, что большинство состава шаек басмачей — это бессознательная темная масса, пассивно следующая за руководителями, в силу создавшегося своего безвыходно тяжелого материального положения, и стоит лишь им гарантировать переход обратно к мирному труду, обеспечить возможность этого труда и безопасность существования, как она покинет руководителей. Мысль эта была реализована объявлением амнистии, но результат оказался плачевным. Власть обещала возместить убытки населению, восстановить сожженные дома и разграбленное имущество при помощи специально назначенной комиссии. Но все это осталось лишь на бумаге. Никаких шагов к осуществлению обещанного не принято, наоборот, разрушение кишлаков и ограбление мирных жителей под видом преследования басмачей продолжают и поныне (Узген, Хакент и др.).

Самая амнистия не была широко опубликована и разъяснена населению, но, к несчастью, были и такие случаи, когда уже амнистированные, явившись с удостоверениями, вновь арестовывались за свою прежнюю басмаческую жизнь, несмотря на то, что все проступки их уже прощены. Все это и объясняет, почему амнистия не оправдала возложенных на нее надежд и фронты возникают за фронтами. Некоторые из них, как Джалял-Абадский, возникли совершенно искусственно в связи с объявлением хлебной монополии и благодаря неумелому вмешательству некоторых стоящих у власти лиц.

Существующий в Фергане пункт Особого отдела с первых же шагов своей деятельности занял неправильную позицию в отношении мусульман. Так, например, проводя в жизнь распоряжение о пропорциональном представительстве мусульман, он проводит таковое только в отношении арестов, арестовывая без всякого разбирательства и без всяких оснований не только 98% мусульман, а даже и более. Несмотря на существование в Фергане Мусульманского бюро и неоднократные постановления последнего о том, чтобы никакие аресты, обыски, выемки, реквизиции и конфискации у мусульман никем без ведома бюро не производилось, Особый отдел не желает с этим считаться и совершенно игнорирует какие бы ни было вмешательства мусульманских представителей. Причиной такового отношения отдела к мусульманам, по нашему мнению, служит то, что во главе его стоит неопытный, добродушный, малограмотный человек, мягкостью которого воспользовались некоторые темные личности, вроде Вагина, Молчанова и Глухова. Вагин (делопроизводитель отдела) — известный подпольный адвокат, наживший всяческими нелегальными способами состояние, занимающийся по подложным векселям и от несуществующих лиц. Молчанов — следователь отдела — тоже человек не особенно строгих нравственных правил, исключенный из партии за свои темные деяния. Глухов — помощник заведывающего отделом, будучи совершенно безграмотным человеком, вместе с тем своим отношением к туземцам напоминает жандармского вахмистра времен Николая. Вообще весь состав Особого отдела далеко не отвечает тем требованиям и заданиям, которые возложены на него. Он окружен агентами преимущественно из самых подонков общества, анашистов, кухнаристов⁹, картежников, преимущественно среди них находятся армяне, которые стараются на каждом шагу напакостить мусульманам, как своим давнишним национальным врагам, и мстят вместе с тем за то, что они обезоружены здесь в Фергане и сошли с арены правления по настоянию мусульман. Особый отдел, не имея представительств от мусульман, в своей деятельности совершенно игнорирует туземные интересы, не предъявляет обвинения целыми неделями, вопреки существующему декрету о предъявлении обвинения в течении 48 часов, напоминая своей деятельностью царский застенок, когда начались аресты мусульман целыми сотнями без всяких оснований, а лишь по ложным и анонимным доносам разных лиц, сводящих свои личные счеты. И все протесты мусульман остаются тщетными, а деятельность отдела по-старому проходит в ненормальных условиях. Нужны меры воздействия, нужна реорганизация отдела и чистка его служебного персонала.

Такое же точно отношение, если не более худшее, наблюдается и со стороны военных властей к мусульманам и их интересам. Со времени возникновения разбойного движения власти, а особенно военные, увидели в росте этого движения национальные стремления мусульман к свержению ига европейцев. Взгляд этот неправильный, ни на чем положительно не основанный и создавался исключительно по непониманию жизни и быта мусульман. Даже мудрено от них требовать

этого — они люди пришлые, люди от сохи, люди момента, а им не важно, что переживут и пере-страдают мусульмане, а они для достижения своих подчас честолюбивых стремлений не останавливались ни перед чем. Были случаи, когда мы, представители трудящихся-мусульман, осведомленные о движении разбойных шаек и о месте их нахождения, шли с докладом об этом к военной власти, там нам говорили, что об этом уже известно и что принимаются меры. Однако, как потом выяснялось, меры эти принимались слишком поздно или вовсе не принимались, а разбойники преспокойно хозяйничали в кишлаках, грабя мирное трудовое население, а когда они уходили оттуда, туда являлись во исполнение «принятых мер» наши войска, производили реквизиции и наказывали жителей кишлаков за недонесение власти о разбойниках, последствием чего являлось уничтожение целых селений с их жителями. И это на местном военном жаргоне называлось принятием мер. К чему же принимались меры: к уничтожению разбойников или увеличению их рядов? Мы думаем и видим это наглядно, что меры принимались к увеличению рядов разбойников. Ведь как в местном оперативном штабе, так и в штабе Красной гвардии представителей от мусульман нет и все мероприятия, проводимые в жизнь этими учреждениями и вообще военным начальством, чужды жизни и интересов мусульманства. Были случаи, когда приказами по гарнизону увольнялись красноармейцы без всяких оснований, а лишь только потому, что они «сарты». Подлинные приказы такого рода, хорошо характеризующие отношение военной власти к мусульманам, имеются в делах местного ревкома, ныне упраздненного.

Вообще все просьбы мусульман, обращенные к военной власти, остаются без всякого внимания. Представителями мусульман старого города неоднократно подавались письменные просьбы о принятии надлежащих мер к охране старого города от разбойников ввиду того, что в последнее время старый город от 14 до 16 часов в сутки находился буквально во власти разбойников. Но все эти просьбы остаются гласом вопиющего в пустыне. Правда, в старом городе выставлены два поста, но они по своей малочисленности не могут оказать должного отпора разбойным шайкам, а сами, заслышав стрельбу, прячутся за кипами хлопка, открывая в свою очередь беспорядочную, беспорядочную стрельбу. Начиная же с 7 часов вечера старый город со своим многотысячным (85 000) населением предоставлен самому себе и как бы отрезан от европейского города, и с этого времени он переходит во власть грабителей и разбойников. Надеяться на защиту указанных двух постов не предоставляется возможным, так как чины этих постов сидят за кипами хлопка, не проникая вглубь старого города.

Единственная защита старого города от разбойников — ахунджановский отряд в последнее время был переведен из старого города в Скобелев, но оттуда, благодаря притеснениям военной власти, вынужден был «бежать». Переход Ахунджана на сторону советской власти дал толчок и другим начальникам разбойничьих отрядов начать переговоры о своем подчинении советской власти и переходе на ее сторону, но тактика, принятая в отношении ахунджановского отряда, не дала возможности осуществиться этим переговорам, а вызвала среди главарей шаек и их отрядов недоверие. Мы же, представители мусульманства, принявшие самое горячее и деятельное участие к склонению разбойников перейти на нашу сторону, сулившие им все блага социализма и коммунизма, обещавшие неприкосновенность их жизни и имущества, теперь потеряли всякое доверие к нам не только со стороны разбойников, но и со стороны всех вообще мусульман, так как не оправдали, по не зависевшим от нас причинам, всех обещаний, данных им, причиной чему служат многие товарищи-европейцы.

Не лучше дело обстоит и с представителями «единого народного суда», они не пользуются ни авторитетом, ни доверием среди мусульманства, ибо могут ли последние питать какое-либо уважение к лицам, по вине которых, они, приезжая по делу из кишлаков, принуждены целыми неделями проживать в городе, тратя последние свои гроши? Придя же к судье, этот кишлачник неизменно получает один ответ «сейчас некогда, приди завтра». Эти «завтра» бесконечны, и бедный, темный мусульман, потолкавшись по разным учреждениям, принужден с горьким осадком на душе вернуться к себе домой, проклиная при этом существующие порядки. Сплошь да рядом бывает так, что судьи и следователи, засадив в тюрьму порою безвинного человека, совершенно забывают о его существовании, не пересматривают вопроса об изменении меры пресечения и томят его в заключении в продолжение многих месяцев. Может ли после этого такой суд претендовать на уважение и доверие со стороны граждан? Не применяется сплошь да рядом ни условное осуждение, ни досрочное освобождение, так же как не применяются дарованные амнистии, без напоминания об этом самого заключенного. Что служит причинами к этому, мы не беремся судить, но думаем, что такое положение недопустимо и его нужно изменить в корне, дабы суд пользовался популярностью и доверием масс.

Из рук вон плоха и культурно-просветительная жизнь мусульманства. Отделом народного образования, к которому перешла вся культурно-просветительная работа, не принимается никаких решени-

тельно мер к насаждению культуры и просвещения среди мусульманства, а обращено все внимание лишь на европейцев, так, например: в старом городе насчитывается свыше 85 000 населения, а открыто школ слишком мизерное количество, в русском же городе, насчитывающем всего до 15 000 населения, открыто гораздо большее количество школ, если взять процентные отношения нового и старого города. В мусульманском городе существует всего лишь одна мусульманская читальня, которая, не будучи никем субсидируемая, влечит жалкое существование и не может служить рассадником просвещения и культуры, так как в ней нет абсолютно никакой литературы, за исключением ташкентской мусульманской газеты «Иштракиун». В уезде же, благодаря разбойному засилью, нет возможности открыть школы и мусульманство уезда обречено прозябать во тьме и невежестве, находясь под гнетом мулл и имамов. Изложив выше сего обстоятельства, приведшие мусульман Ферганы и его уезда к тому положению, в котором они в настоящее время находятся, мы в заключение считаем необходимым ответить на предложенные нам вопросы следующим:

1) разведчиков или так называемых секретных сотрудников, работающих как в Особом отделе, так и в Чрезвычайной комиссии и других учреждениях, надлежит принимать исключительно по рекомендации комитета партии, дабы избежать темного элемента, приносящего своими действиями только ущерб делу и сплошь да рядом преследующего свои корыстные цели путем вымогательства и шантажа и грозящего в случае неисполнения такого рода требования доносами.

2) уничтожение национального неравенства, дабы все граждане, будь то сарт, русский, перс, татарин и проч. и проч. в одинаковой мере пользовались правами гражданства и защитой законов.

б) строгая закономерность в действиях власти, а особенно военной власти, ненормально проявляющаяся в настоящее время в разного рода реквизициях, конфискациях и отчуждениях для нужд армии лошадей, теплых вещей и продовольственных припасов и несвоевременной уплате за это, чем порождается недовольство и вполне справедливый ропот населения.

в) считаясь с многовековыми религиозными бытовыми обычаями мусульман, старательно избегать нарушения этих обычаев, имея в виду всю темноту и неподготовленность мусульманских масс к восприятию идей социализма.

г) более решительные действия штаба Ферганского фронта по борьбе с басмачеством, так как борьба эта путем агитации не достигает цели, так как басмачество явилось плодом ошибок власти, почему население дальних кишлаков имеет искаженное представление об истинной советской власти, будучи информируемо о событиях только белогвардейцами, ибо ядро их фактически не понесло еще ни одного поражения, для чего необходимо сделать удар по центру басмачей, чем поколебать авторитет в глазах населения и заставить крупные шайки рассыпаться на более мелкие, которые, расплываясь среди населения, будут уничтожены последним без помощи вооруженных сил, и

д) более действительная живая связь города с деревней, частая и правдивая информация ее по текущему моменту путем живого слова и красной литературы на мусульманском языке, устройство в больших кишлаках библиотек-громкочитален и поднятие культурного уровня мусульман путем открытия школ.

3) для поднятия экономической жизни уезда и города необходимо немедленно же оказать материальную помощь разрушенным хозяйствам для восстановления их, дав необходимый инвентарь и рабочий скот, а также все нужное в хозяйстве и домашней жизни¹⁰.

РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 312. Л. 3–9. Подлинник.

¹ Третья краевая конференция мусульманских организаций РКП в Туркестане проходила одновременно с V краевой конференцией КПТ (12–18 января 1920 г.).

² Дата регистрации.

³ Возможно, Гроссман Мирон Борисович — член штаба советских войск г. Андижана (1919 г.).

⁴ Салаев — большевик, председатель Андижанского совета (1918 г.).

⁵ Знаменский — в 1919 г. секретарь Реввоенсовета ТССР.

⁶ Возможно, Розин Маркел Александрович (1883–?) — член РКП(б), сотрудник Полевого штаба РВРСР (1919–1920 гг.), военный комиссар в войсках ВЧК в Ташкенте с апреля 1920 г.

⁷ Речь идет о «чайной панаме»: в октябре 1919 г. один из руководителей ТССР А.А. Казаков был обвинен в причастности в 1918 г. к крупной финансовой афере — спекуляции с чаем. В 1921 г. он был отозван в Москву.

⁸ Отточие в тексте.

⁹ Кухнаристы (кукнаристы) — наркоманы, употребляющие отвар из маковых головок.

¹⁰ Далее подписи по-русски и по-тюркски делегатов Андижанского, Наманганского, Скобелевского, Кокандского и Маргеланского мусульманских бюро Л. Садыкбаева, А. Кушбеги и др.